

С. М. Михеев

«ГОЛОДЕ ЖЕЛЕЗНЕ»: К ЧТЕНИЮ ГРАФФИТО № 199 НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

Эта заметка посвящена прочтению одной из самых интересных и загадочных настенных надписей новгородской Софии. Граффито № 199 (по нумерации А. А. Медынцевой) публиковалось уже четырежды. К сожалению, приходится констатировать, что текст надписи в этих публикациях прочтён неполно и с ошибками. Цель данной заметки — пересмотр прочтения надписи на основе её палеографического и лингвистического анализа.

А. А. Медынцова, впервые опубликовавшая граффито в 1978 году в своём своде софийских надписей, описала его следующим образом: «Надпись № 199 (рис. 122) находится на центральном столбе лестничной башни, пятью ступенями выше десятой площадки. Она была прочерчена очень тонкими штрихами, некоторые из них стерлись с течением времени. Кроме того, надпись повреждена насечками»¹. Согласно издательнице, надпись гласит:

голоде железъчь | каман[ы]и пьрь|си меда[н]аа |
голова лип[о]ва [ч]елюсть [в]ъ зол-ъ | еб-анид... во рож и |
бесе сотона тате[мь] | таръ ио добръ ако | нена[а]... |
лебеда... | б[ъа]ти-амнинъ²

Через четверть века после издания книги А. А. Медынцевой её прочтение надписи было подвергнуто критике со стороны А. А. Зализняка, который, основываясь на фотографии, опубликованной у А. А. Медынцевой, предложил свою реконструкцию текста граффито³.

¹ Медынцова А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI–XIV века. М., 1978. С. 142.

² Здесь и ниже в квадратные скобки берутся буквы, восстанавливаемые неоднозначно, в круглые — чистые конъектуры. Дефис обозначает непрочитанную букву, отточие — неизвестное количество непрочитанных букв. Фигурные скобки обозначают написанные по ошибке буквы или буквы, переписанные дальше в тексте. Принятые другими исследователями системы обозначений при цитировании заменяются на описанную выше.

³ Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 г.). М., 2004. Т. XI. С. 242–247; Зализняк А. А. Заклинание против беса на стене

По инициативе А. Ю. Чернова надпись была заново отснята Е. В. Гордюшенковым 1 февраля 2005 года. Благодаря любезно предоставленным А. Ю. Черновым мне и другим коллегам высококачественным цифровым фотографиям удалось значительно продвинуться в прочтении граффито. Свои версии чтения надписи на основании новых фотографий кроме А. Ю. Чернова предложили я и А. А. Зализняк⁴.

14 июля 2005 года Е. В. Гордюшенков сделал для меня серию макрофотографий наиболее трудночитаемых фрагментов надписи. Кроме того, 14 и 15 июля я имел возможность исследовать надпись самостоятельно при помощи лупы⁵.

Вот общий вид граффито (все фотографии, публикуемые ниже, выполнены Е. В. Гордюшенковым):

новгородской Софии // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 711–719. Эти две публикации незначительно отличаются друг от друга.

В статье «К изучению древнерусских надписей», предприняв масштабный пересмотр чтений первых издателей надписей-граффито из Софийских соборов Киева и Новгорода, А. А. Зализняк не обращался к материалу напрямую, отмечая, что обращение к оригиналам надписей-граффито — «это очень сложная и весьма специфическая работа, к которой большинство лингвистов, к сожалению, не готово» (Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей. С. 237).

⁴ Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. В печати. Я благодарен А. А. Зализняку и А. Ю. Чернову за возможность ознакомиться с их работами в рукописи, а также им, А. А. Турилову, Д. В. Кашганову, А. А. Гишпиусу, М. Ю. Михееву и И. Н. Данилевскому за полезные замечания и критику.

А. А. Зализняк и А. Ю. Чернов предлагали много вариантов чтений различных фрагментов граффито (последнее чтение А. А. Зализняка см. ниже в прим. 57). В мою задачу не входит разбор всех чтений, поэтому ниже я буду лишь кратко указывать, кому принадлежат упоминаемые мной чтения, если они предложены не первой издательницей надписи и не мной.

⁵ За предоставленную мне возможность изучения граффито я глубоко признателен хранителю Софийского собора Т. Ю. Царевской.

Обращение к надписи и к новым фотографиям заставило изменить представление о граффито № 199.

Пришлось отказаться от предположения А. А. Медынцевой о том, что некоторые штрихи надписи стёрлись с течением времени. Поверхность стены, на которой нанесено граффито, имеет много повреждений, однако везде, где видна не сбитая изначальная поверхность штукатурки, при отсутствии видимых штрихов можно утверждать, что никаких штрихов, относящихся к основной надписи, в этих местах и не было.

Также не было выявлено никаких следов двуслойности поверхности. Цвет цементной штукатурки оказался одинаков и на поверхности, и внутри сколов. Таким образом не подтвердилось предположение А. Ю. Чернова о том, что поверхность стены покрыта слоем мастики, из-за чего часть штрихов оказалась скрыта⁶.

Участок стены, на котором нанесена надпись № 199, имеет пять основных видов изъянов.

Первый из них — это изначальные неровности штукатурки. Все они имеют гладкие края, поэтому очевидно, что они возникли в результате неровной затирки еще не засохшей штукатурки⁷. Такие дефекты можно увидеть после буквы *к* в конце 1 строки, перед и после букв *ьзо[у]* в 5 строке, а также после буквы *е* в конце 6 строки. Автор надписи избегал попадания штрихов на эти неровности. На представленной ниже прориси граффито этот вид изъянов поверхности обозначен тёмно-серой заливкой.

Второй тип — сколы, появившиеся в промежуток времени между оштукатуриванием стены и нанесением надписи. Все они имеют сильно сглаженные, как бы выветренные края. Штрихи надписи в некоторых местах заходят вглубь этих сколов (что доказывает, что последние уже существовали в момент создания граффито). Такие сколы имеются, в частности, между буквами *а* и [*н*], а также непосредственно под [*н*] в 10 строке. На прориси данные изъяны обозначены светло-серой заливкой.

Третий тип — поздние сколы, многие из которых заделаны буквы надписи. Большая часть этих сколов — это насечки, сделанные для нанесения поверх данного слоя штукатурки ещё одного её слоя, позже сбитого или не нанесённого вовсе⁸. Надпись также повреждена трещинами, часть из которых, вероятно, уже существовала во время нанесения граффито (в пользу этого может свидетельствовать несостыковка штрихов по разные стороны трещины в 3 и 4 буквах 9 строки). На прориси поздние сколы и трещины обведены тонкими линиями⁹.

Последний тип изъянов поверхности штукатурки — это многочисленные царапины разной длины и толщины, самые крупные из которых обозначены на прориси пунктирными линиями.

Надпись расположена на стене достаточно низко — в 40–65 см от ступеней¹⁰. Её собственная высота — примерно 20 см. По мере перехода со строки на строку писавшему должно было становиться всё менее удобно выводить буквы. Поэтому, начиная со второй половины 7 строки ширина букв и строк значительно увеличивается¹¹, буквы становятся менее аккуратными.

Последняя особенность, которую следует упомянуть, — это карандашные пометы, которыми испещрена надпись. Автор помет как бы делал прорись граффито непосредственно на стене. Во многих

⁶ Между тем, А. А. Зализняк принял предположение А. Ю. Чернова. По мнению А. А. Зализняка, штрихи, скрытые мастикой, «все же можно при специальном обследовании заметить по впадинкам на поверхности мастики». Кроме основной надписи А. А. Зализняк предположил наличие на участке стены, содержащем граффито № 199, «фоновых» или «скрытых» записей, буквы которых имеют высоту 2–4 мм. По словам исследователя, «подобно Новгородскому кодексу, стены Софийского собора содержат, помимо непосредственно видимых, еще и скрытые тексты» (Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии).

⁷ Штрихи, сколы и царапины имеют рваные края, следовательно, возникли позднее.

⁸ См. об этом: Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI–XIV века. С. 6, 10.

⁹ Таким же образом обозначены и ранние сколы, время появления которых устанавливается неточно.

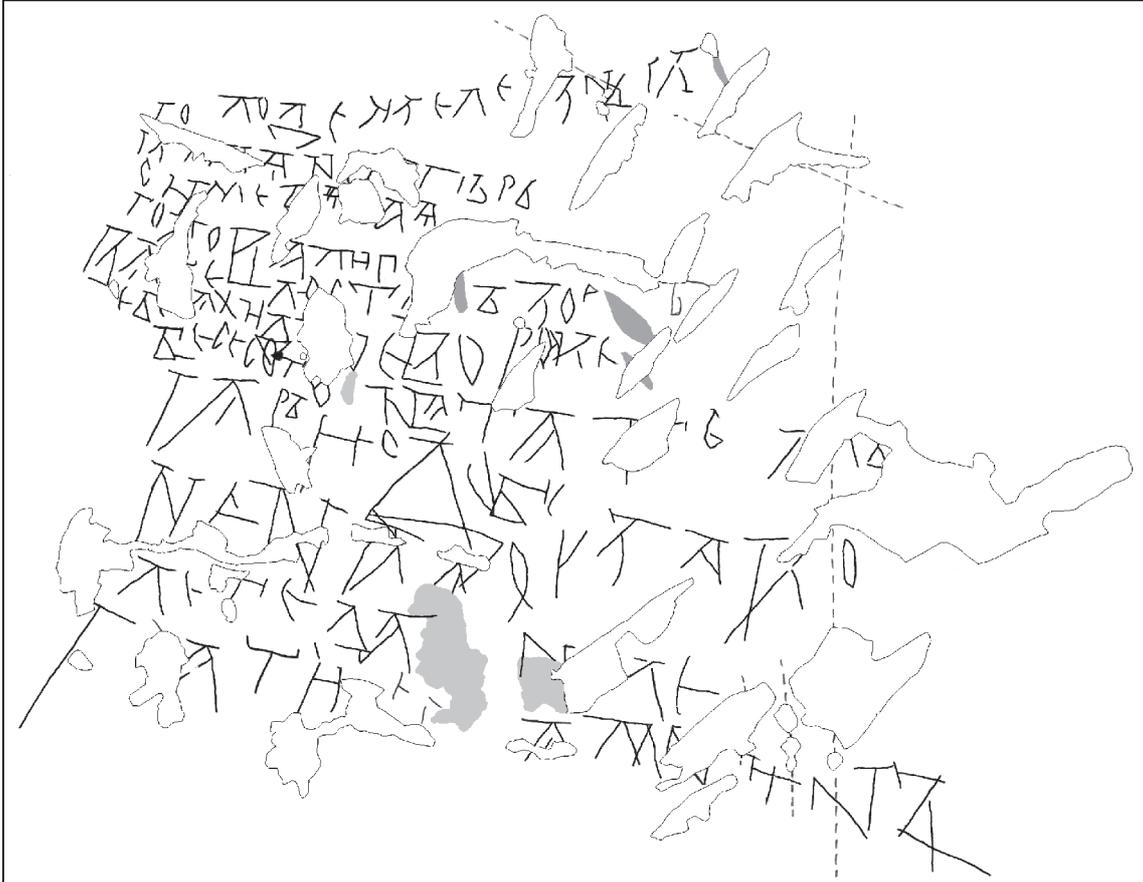
¹⁰ Левая часть надписи расположена ближе к ступеням, чем правая (винтовая лестница в башне поднимается по часовой стрелке). Причина такого низкого расположения надписи, очевидно, заключается в том, что во время её создания именно на данный участок стены падал свет из расположенного напротив окна.

¹¹ Средняя ширина букв в строке (вместе с необходимым зазором между буквами) составляет в 1–6 строках от 9 до 11 мм, в 7–8 строках возрастает до 13–14 мм, в 9–10 строках — до 16–18 мм, а в 11 строке составляет уже около 20 мм.

местах карандаш как бы дорисовывает отдельные штрихи или продолжает имеющиеся в надписи штрихи. Очевидно, что эти лишние карандашные штрихи появились там, где автор помет ошибался в интерпретации буквы или штриха. Данные пометы следует датировать относительно недавним временем.

Вот новая прорись граффито:

Моя транскрипция надписи такова:

- 1 голодежелезн-к(-)
- 2 к[ам]▲н--(-)пърь
- 3 симед▲(-)▲▲
- 4 головалип(-)
- 5 ва[ч]ел-ост(-)ъзо-(-)
- 6 еб-ахид-[н]евороже
- 7 бесесотонатат-[м]-
- 8 таръи-одобезако
- 9 ньнааоу
- 10 ле[т]еда[н](-)[л]е
- 11 [т]ати•амнинъ

Перед тем, как начать конкретный разбор чтений текста надписи, необходимо сделать несколько замечаний о её графической системе. Буква *ѣ* в надписи везде заменена на *е*¹². Буква *и* отмечена во всех позициях. Ни смещения *е* и *ь*, ни *о* и *ѡ*, ни *ѣ* и *ь* в надписи нет.

¹² Ср.: *железн* - вместо *жел* <ѣ> *зн* - в 1 строке и *мед*▲(н)▲▲ вместо *м* <ѣ> *дана*▲ в 3 строке. На этот факт уже обращал внимание А. А. Зализняк (*Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей*. С. 244).

Угловыми скобками здесь и ниже маркируются нормализованные записи древнерусских слов.

1 строка: *голодежелезн-к(-)*

Большая часть 1 строки надписи легко делится на слова. Чтение первого слова текста — *голоде*¹³ — и буквы *д* в нём принадлежит А. А. Зализняку. Следующее слово начинается с букв *желез...* Конец 1 строки выглядит так¹⁴:

После буквы *з* (первой на снимке) мы видим несколько трудно интерпретируемых знаков.

Судя по всему, первоначально после *з* была написана буква *ь*, позже переправленная на две буквы. А. А. Медынцева прочла эти две буквы как *нь*. Однако

такая интерпретация заставляет считать, что автор надписи (несмотря на исправление!) сделал здесь какую-то ошибку, так как смысл текста при этом прочтении оказывается неясен¹⁵. Следует также

отметить, что у предполагаемой буквы *ь* полностью отсутствует верхняя засечка или покрытие, которые присутствуют у всех *ь* в исследуемой надписи. Кроме того, совершенно необъяснима длина нижнего горизонтального штриха предполагаемой буквы. Снять все эти сложности позволяет конъектура *железн[е]...* Корявость исполнения буквы *[е]* легко объясняется тем,

что писалась она при исправлении первоначального текста.

После *н[е]* следуют два знака, которые ранее принимались за *чь*. Я предлагаю читать здесь не две буквы, а одну. Начертание этой буквы оказывается сходно с начертанием обеих букв *к* в нашей надписи. Особенно важно сходство с *к* в 8 строке, у которого так же, как и в 1 строке, не сомкнуты друг с другом три косых штриха в правой части буквы¹⁶.

Буква *к* в 1 строке повреждена несколькими царапинами, поэтому на первый взгляд оказывается похожа на очень грубо выполненные буквы *чь*. Сходство левой вертикали от *к* (с покрытием сверху) с *ч* подчёркнуто также карандашной пометой, которая соединяет небольшую царапину слева вверху от этого штриха с самим штрихом. Правой части от *к* сходство с *ь* придают несколько мелких царапин в нижней части этого знака. Две из этих царапин обведены карандашом и соединены с реальными штрихами, как бы создавая нижнюю горизонталь от *ь*.

Справа от буквы *к* расположен изначальный изъём штукатурки, рядом с которым имеется несколько штрихов. Эти штрихи могут быть случайного происхождения, но существует и некоторая вероятность того, что здесь писавший начал новую букву, но бросил¹⁷.

Итак, я предлагаю читать 1 строку надписи так: *голоде железн[е] {к}*. Слово *жел<ь>зне* здесь — определение к слову *голоде*. Таким образом, первое слово в тексте граффито следует интерпретировать как существительное мужского рода (в Зв. ед. или в диалектном И. ед.). Отдельно стоящая в конце 1 строки буква *к*, скорее всего — брошенное начало слова *к[ам]н...*, переписанное затем заново во 2 строке.

¹³ Речь о значении этого слова пойдёт подробно ниже при разборе общего смысла надписи.

¹⁴ В наиболее сложных случаях после фотографий помещены фрагменты прорисовки граффито.

¹⁵ Считать здесь *ь* написанным вместо *<е>* не позволяет то обстоятельство, что более нигде в надписи мы не встречаем аналогичного смещения гласных.

¹⁶ У букв *к* в 1 и 2 строках одинаково не сомкнуты с другими штрихами этих букв левые вертикальные штрихи.

¹⁷ Причиной того, что эта буква осталась недописанной, может быть то, что, начав писать её, автор граффито понял, что ошибся чуть ранее, и стал исправлять *ь* на *не*. Также возможно, что он счёл неудовлетворительным качество поверхности штукатурки и решил перейти на новую строку.

Исправление ь на не в конце слова *железн*[е], скорее всего, следует объяснять так: автор граффито написал *железѣк*, но увидел, что перед начинающей новое слово буквой *к* пропустил буквы *нѣи*, *неи*, *нѣ* или *не* (буквы *нѣи* были бы нужны ему для написания полного прилагательного <*желѣзньѣи*>; *неи* — для написания его новгородского варианта <*желѣзньѣи*>; *нѣ* — для краткого прилагательного <*желѣзньѣ*>; *не* — для его звательной формы или идентичного ей новгородского варианта И. ед. <*желѣзньѣ*>) и решил переправить ь на не. Таким образом, он слегка отошёл от нормы: определение к слову *голоде* при такой правке потеряло редуцированный, что было уже возможно с лингвистической точки зрения в момент создания надписи (см. ниже соображения о датировке граффито), однако совсем не обязательно¹⁸.

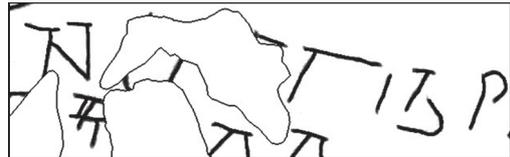
к[ам]н--(-)пърь|си (2—3 строки)

Перейдём к 2 строке надписи. Здесь сложности вызывает чтение букв между к[ам]н и пърь. На фотографии ниже видны буквы н--(-)пър¹⁹:

Буква *п* выполнена достаточно широкой. Её верх (особенно его правая часть) прочерчен очень неглубоким штрихом.

После буквы *н* почти полностью уничтожены сколом две или три буквы. Первой из них, как кажется, была *е*, от которой виден самый низ (чтение предложено А. Ю. Черновым). Однако следующая буква или две небольших по ширине буквы восстанавливаются с трудом.

Неясный отрезок между [е] и *п* начинается наполовину сохранившимся вертикальным штрихом, слегка наклонённым вправо. Буквой, которая здесь начиналась, могла быть *г*, *и*, *к*, *л*, *н*, *п* или *р*²⁰.

К окончанию неясного отрезка мы можем отнести лишь видимое над сколом справа покрытие. Такое покрытие могла иметь одна из следующих гласных букв (перед *п* в нашем случае могла стоять только гласная): *а*, *и*, *я*, *ѣ*, *ѵ*²¹.

Возможно, что неясный отрезок следует читать как [на]. В этом случае реконструируется словосочетание к[ам]н[е на]пърь|си, где первое слово — *камн* <*ѣ*> — краткое прилагательное в И. мн., а второе слово означает что-то носимое на груди.

Между тем, мне кажется более вероятным, что вместо предложенного **напърьси* в тексте стояло существительное *пърьси*, а определением к нему было слово к[ам]н[е]-. В полной форме это прилагательное в И. мн. имело бы вид <*камныѣ*>, в новгородской зоне также был возможен вариант <*камнѣѣ*>. Однако при чтении к[ам]н[е]-пърь|си оговорённые выше условия, которые накладывает начертание остатков букв неясного отрезка, выполняются только при принятии конъектуры к[ам]н[еи] (*камн* <*ѣ*> *и*).²²

¹⁸ Можно было бы предположить, что автор граффито, написав *железѣ*, решил, что буква ь в этом слове лишняя, и поэтому переправил её. Однако в таком случае остаётся неясным, почему буквы *не* автор надписи сделал такими мелкими по размеру и разместил практически одну над другой.

¹⁹ А также частично буквы *д*а(-)аа из 3 строки.

²⁰ Чтение [м] здесь невозможно по причине слишком большой ширины буквы *м*. (Между *м* и *п* по законам древнерусского языка должна была стоять гласная.)

²¹ Последние два варианта менее вероятны из-за нехватки места для колечек еров: между [е] и ером должна была уместиться ещё одна согласная буква.

²² Следует отметить, что в таком случае буква *и* имела примерно ту же ширину, что и следующая за ней *п* (хотя, возможно, такая ширина буквы *и* объясняется тем, что она имела удлинённую вправо горизонтальную перекладину — как буква *и* в слове *ам{н}инѣ* и, возможно, в слове [л]е[т]ати в 11 строке).

Если эта реконструкция верна, словосочетание *камъней пьрси*, скорее всего, стоит не во мн., а в дв. числе, так как для И.=В. мн. окончание *-ѣи* в Новгороде фиксируется лишь в источниках XIV–XV веков²³. Насколько мне известно, таким образом (если моя реконструкция неясного отрезка верна) мы сталкиваемся в нашей надписи с первым случаем явного употребления слова *пьрси* в дв. числе в славянской письменности. В монографии, посвящённой двойственному числу в древнерусском языке, О. Ф. Жолобов отметил, что слова *пьрси* и *гроду* в *И.=В. дв. неотличимы от И. мн.²⁴, однако обратил внимание на один неоднозначный пример из Захариинского паримейника 1271 года, в котором слово *пьрси*, возможно, стоит в дв.: «и зракъ лица его страшнѣ. тѣло юго же глава ѿ зла(т) чиста. роуцѣ и пьрси. и мышци юго посребрнѣ. чрѣво и стегнѣ мѣднѣ. нозѣ часть ютера желѣзна. и часть ютера скоудѣльна»²⁵.

[ч]ел-ост(-)ь (5 строка)

Перейдём к 5 строке.

Буква [ч] восстановлена по смыслу. Сохранился только её правый верхний край. Для написания букв *лю* в надписи использована лигатура.

Между *т* и *ь* видны два штриха, после которых видим сначала позднюю насечку, а затем — небольшой изначальный изъян поверхности²⁶:

Скорее всего, автор надписи после [ч]елюст начал сразу писать букву *ь*. Однако в поверхности штукатурки здесь имелся изъян. Поэтому писавший, по-видимому, отступил правее и переписал *ь*. Возможно, он переписал эту букву из-за того, что первое её исполнение не устроило его ввиду своей небрежности (штрихи, расположенные между *т* и сколом, не похожи на штрихи от *ь*).

зо-(-)|еб-ахид-[н]е (5–6 строки)

Следующая сложность в интерпретации надписи — в конце 5 — начале 6 строки. Для читающегося здесь фрагмента *зо-(-)|еб-* возможны несколько вариантов прочтения.

Букву после *о* в конце 5 строки, скорее всего, следует интерпретировать как зеркальное *у*²⁷ с мелким сколом сверху (данный скол

напоминает штрих, однако он значительно шире, чем другие штрихи этой и соседних букв), сделавшим её похожей на *р* с угловатой петлёй (между тем, все буквы *р* в нашей надписи — с округлыми петлями). Буква имеет уменьшенный размер и приподнята над строкой, что вполне характерно для *у* в составе диграфа *оу*:

²³ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 137 (§ 52), 142 (§ 57).

²⁴ Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II: Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число. М., 2001. С. 69.

²⁵ Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. С. 64.

²⁶ На фотографии ниже видны буквы *ип* (4 строка), *т(-)ьз* (5 строка), *[н]еворож* (6 строка). Изначальный изъян поверхности (см. о них выше) в 5 строке расположен прямо перед *ь*. Характер этого дефекта явно говорит о том, что он возник еще до затвердения штукатурки. Писавший был вынужден с этим считаться, обходя неровность стороной.

²⁷ Второе *у* в надписи — в 9 строке — также имеет зеркальный вид.

После буквы [y] имеется изначальный изъян штукатурки. За ним стоит знак, похожий на букву б²⁸:

Возможно, этот знак не относится к надписи. Если это так, тогда спорный фрагмент читается как зо[y]{}e}б[e] ('зуб' или 'зубы'), где буква {e} (первая буква в б строке) написана по ошибке (из-за предвосхищения)²⁹.

От третьей буквы б строки сохранился только самый низ, однако он легко опознаётся как фрагмент буквы e³⁰:

После eb- в начале б строки А. А. Медынцева прочла буквы анид... Издательница, очевидно, полагала, что штрих буквы e в 5 строке уходит очень далеко вниз, как бы огибая следующую

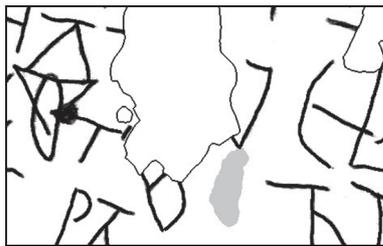

крупную по размерам букву в. Однако при изучении новых фотографий выяснилось, что здесь мы имеем два штриха, а не один: верхняя половина относится к e в 5 строке, далее следует очень короткая перемычка, а внизу, как бы продолжая штрих от e, уходит вниз и вправо длинный штрих, пересекающий левую вертикаль от предполагаемой А. А. Медынцевой буквы n в б строке в центральной части этой вертикали:

Таким образом, букву между а и и в б строке следует читать как х.

После ахи в тексте граффито видны буквы д-[н]ев³¹:

²⁸ Кроме букв o[y](-) из 5 строки на фотографии ниже виден верх букв же — двух последних букв б строки.

²⁹ Если неясный знак в конце 5 строки всё же является буквой б, то возможны три варианта прочтения этого места: 1) зо[y]{}e}б[e] (слово бе здесь следует интерпретировать как <бб>); 2) зо[y]{}[б]e}б[e]: при переходе на новую строку автор надписи сначала продолжил писать следующую за б букву (e), а потом, исправляясь (так как буква б вышла далеко от предыдущего текста, оказалась чрезвычайно корявой и переход на новую строку произошёл внутри слога), повторил их обе; 3) зо[y]{}e}{б[e]: слог бе повторён случайно. Однако все чтения, предполагающие идентификацию знака в конце 5 строки как [б], осложнены тем обстоятельством, что более почти нигде в корпусе настенных надписей новгородской Софии слова не переносятся с разбитием слога (Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI—XIV века. С. 188.).

³⁰ А. А. Зализняк обратил внимание на то, что одна (С-образная) из двух не уничтоженных сколом пересекающихся линий на месте 3 буквы б строки является штрихом, а другая (Э-образная) — промятиной (Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии). Эта промятина имеет сходную природу с дефектами, названными мною выше изначальными изъянами поверхности.

На фотографии ниже видны первые три буквы б строки, а также фрагменты 1 буквы из 5 строки (в) и 1–2 букв из 7 строки (бе).

³¹ На фотографии ниже также видны буквы отон из 7 строки и верхушки букв 8 строки.

После скола здесь видна правая часть буквы [н]. Прочтение этой буквы принадлежит А. Ю. Чернову, а следующей за ней е — А. А. Зализняку.

Таким образом, в середине 6 строки мы обнаруживаем словоформу *ахид-[н]е*, которая, безусловно, содержит видоизменённый древнерусский корень *ѡхидьн-*³². Между *д* и [н] по смыслу следует реконструировать *ь*. Слева от скола сохранилась часть покрытия этой буквы.

Можно предложить несколько вариантов интерпретации словосочетания *зоубе ахидьне*. Первое слово может быть либо диалектным И. мн. *зоуб<ѣ>* ('зубы'), либо Эв. ед. или диалектным И. ед. *зоуб<е>* ('зуб'); второе слово — диалектным И. мн. от притяжательного прилагательного *<ѡхидьнь>*³³ (тогда следует предпочесть чтение *ахидьн<ѣ>* ('ехиднины')) или от краткого прилагательного *<ѡхидьнѣ>* (чтение *ахидьн<ѣ>* ('ехидные')); диалектным И. ед. *ахидьн<е>* ('ехиднин') или *ахидьн<е>* ('ехидный'); либо диалектным Р. ед. от *<ѡхидьна>*³⁴ (чтение *ахидьн<ѣ>* ('ехидны')). Наиболее вероятны первые из предложенных вариантов (т. е. чтение *зоуб<ѣ> ахидьн<ѣ>* ('зубы ехиднины')).

вороже (конец 6 строки)

В конце 6 строки надписи читается слово *вороже*. Данное чтение предложено А. А. Зализняком, идентифицировавшим две последние буквы в строке.

В своей последней работе А. А. Зализняк отказался от идентификации последней буквы 6 строки как *е* и вернулся к предложенной А. А. Медынцева *и*³⁵. Однако макрофотографирование надписи, как кажется, подтверждает верность первоначального предположения А. А. Зализняка³⁶:

бесе (начало 7 строки)

В начале 7 строки теоретически возможны разные варианты словоделения: *б<ѣ>се* (Эв. ед. или диалектный И. ед. от *бѣсъ*) или *б<ѣ>се*. Более вероятным мне кажется первый вариант.

тат-[м]-|тарь (7–8 строки).

Конец 7 строки надписи сильно повреждён. Последние три буквы выглядят так:

³² Реконструируемое слово представляет интерес с точки зрения фонетики. Переход *ѡ* в *о*- типичен для восточнославянских диалектов. Слово *ѡхидьна* ('ядовитая змея') вполне могло звучать как **охи́дъна*. Дальнейшие фонетические трансформации следует объяснять тем, что слово *ѡхидьна*/**охи́дъна* не только имело совершенно неясную для русского человека внутреннюю форму, но и было достаточно редким. Кроме того, оно (и его мужской вариант *ѡхидьнѣ*, на который обратил моё внимание А. А. Зализняк) могло смешиваться с практически идентичными по смыслу словами *аси́да* и *аси́дѣ*, первая буква *а* в которых — исконная.

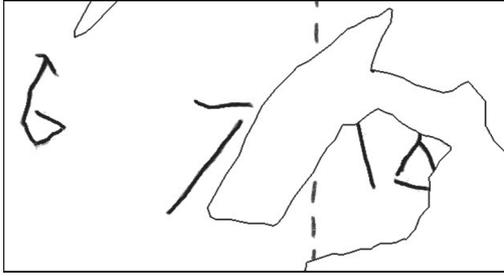
Отметим, что в русских говорах зафиксированы слова *ахид* (с обоими возможными вариантами акцентуации) со значениями 'злой, сварливый человек'; 'жадный, завистливый человек; скупец, скряга'; 'пьяный, буйный человек, забияка'; 'голодный, ненасытный человек; обжора'; *ахидный* 'ехидный, злобный, коварный, лукавый, завистливый, злорадный' (Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1: А. С. 296.); *эхид* 'злой, ехидный человек'; *эхида* 'злая, ехидная женщина' (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9: Ерепена—Заглазеться. С. 47).

³³ То, что слово *ахид[ьн]е* может быть формой прилагательного (ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 836 (*ехидьнѣи*); Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 67 (*ехидный*)), предположил А. А. Зализняк. Стяжённая форма *ахидьнѣ* вместо *ахидьнинѣ* могла возникнуть по аналогии с *аси́дънѣ*.

³⁴ Употребление в такой конструкции родительного падежа в притяжательной функции (*genetivus possessivus*) крайне маловероятно для XII века (*Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 270—273 (§ 57)).

³⁵ *Зализняк А. А.* Ещё раз о надписи № 199 из Новгородской Софии.

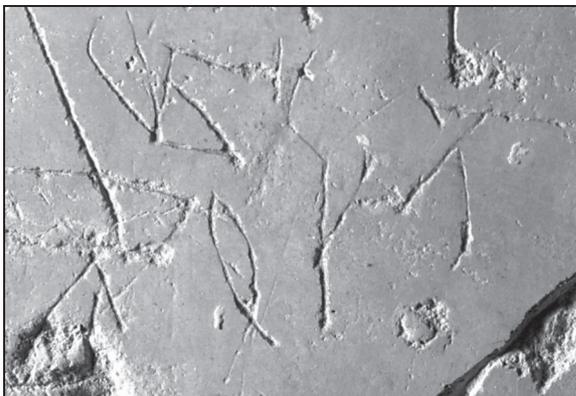
³⁶ Начертание *е* типично для нашей надписи. После буквы *е* в штукатурке имеется изначальный изъём. В верхней части буквы проходит горизонтальная царапина.

и о добезако|ньнааоу (8–9 строки)

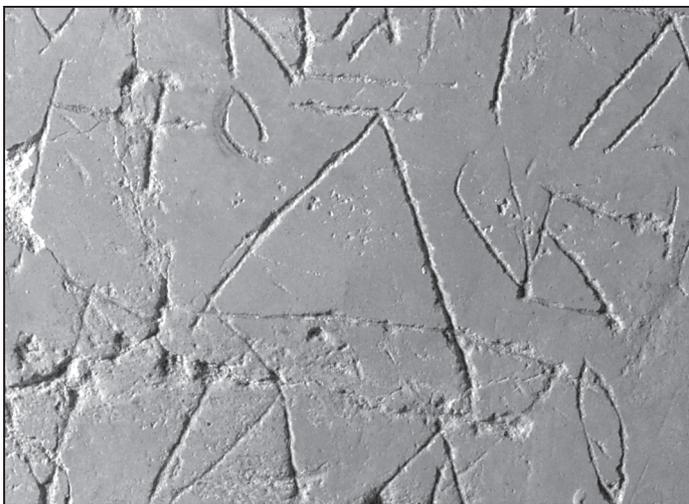
Перейдём к разбору 8–9 строк надписи.

В своей первой работе, посвящённой нашему граффито, А. А. Зализняк предложил для отрезка от буквы *и* в 8 строке по последнюю букву 9 строки чтение *и о д[о]бре зако|не на[х]о*³⁷... При изучении новых фотографий подтвердилась верность идентификации А. А. Зализняком букв *е* и *з* в 8 строке и буквы *о* в 9 строке. Однако буква *р* в 8 строке оказалась зеркальной *у* из 9 строки³⁹:

Таким образом в 8–9 строках прочлось ...*безако|ньн-оу*, где легко восстанавливается слово *безако|ньн...*

Позже, пытаясь прочесть начало 8 строки, А. А. Зализняк обратил внимание на то, что «между буквами *и* и *о* в надписи имеется ещё соединительная черточка, на которую раньше не обращали внимания. Учитывая, что в строке 5 слово [*ч*]елюсть записано с лигатурой букв *л* и *ю* (*у ю* нет самостоятельного левого вертикального штриха), мы понимаем, — пишет А. А. Зализняк, — что и здесь перед нами лигатура такого же строения: *и* + соединительная черточка + *о* — это *ию*»⁴⁰:

«Это значит, что в тексте стоит Зват. ед. *Июдо* и имеется словосочетание *Июдо безаконьна* (или *безаконьно*), — продолжает А. А. Зализняк. — В этом словосочетании трудно объяснить окончание в *безаконьна* (см. об этом подробнее ниже). Но полная осмысленность самого словосочетания (и отсутствие удовлетворительных альтернативных решений) все же не позволяет сомневаться, что в тексте представлены именно эти слова»⁴¹.

2 буква 9 строки (*ь*) выполнена достаточно небрежно. Покрытие этой

буквы прочерчено очень слабым штрихом.

4 и 5 буквы в 9 строке повреждены проходящей здесь крупной трещиной, однако определённо идентифицируются как *а*. Вторую из них следует интерпретировать либо как союз *а*, либо как повторенную по ошибке последнюю букву слова *безако|ньна*.

³⁷ Возможно также, что это — несколько коряво выполненная буква *е*.

³⁸ Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей. С. 244–245.

³⁹ На фотографии ниже видны буквы *добез* (8 строка), *аоу* (9 строка).

⁴⁰ Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии. На фотографии ниже отчасти или полностью видны буквы *оната* (7 строка), *июдобе* (8 строка), *наао* (9 строка).

⁴¹ Там же.

аоу|ле[m]еда[n](-)[л]е[m]ати·амнинъ (9–11 строки)

Перейдём к чтению заключительной части надписи.

Буква [m] в 10 строке (чтение А. А. Зализняка) частично повреждена:

После буквы *a* в 10 строке начинается крупный скол, уже существовавший в момент создания граффито (это следует из того, что правый край покрытия буквы *a* прочерчен непосредственно внутри скола). После этого скола имеется ещё один ранний скол, внутри которого видны следы нижней части левого вертикального штриха от буквы [н]. Данный дефект занимает не всю строку, а лишь её нижнюю часть. Основная часть буквы [н] была прочерчена автором надписи выше этого скола. Дальше текст повреждён поздней насечкой. Правый нижний край насечки прошёл по левой ножке буквы [л] ([л] — чтение А. Ю. Чернова)⁴²:

Очевидно, что данная насечка целиком уничтожила одну маленькую по размеру гласную букву между [н] и [л].

После буквы *e* (чтение А. А. Зализняка) в конце 10 строки, вероятно, больше ничего написано не было. Поверхность штукатурки здесь сильно повреждена, в том числе двумя или тремя крупными царапинами, опускающимися ниже строки⁴³:

1 букву в 11 строке все исследователи читали как *б*. Однако при изучении новых фотографий и самого граффито стало очевидно, что верхняя часть колечка от *б* здесь полностью отсутствует, а за нижнюю его часть принималась серия схожих выбоин,

⁴² На фотографии ниже видны буквы *a[n](-)[л]e* в 10 строке.

⁴³ На фотографии ниже видны последняя буква 10 строки и четыре последние буквы 11 строки.

характерных для данного участка поверхности штукатурки:

Кроме того, следует отметить, что буквы *б* в 7 и 8 строках нашей надписи (как и практически все буквы *б* в новгородских берестяных грамотах⁴⁴) фигурирует с ярко выраженной засечкой наверху справа⁴⁵, а у буквы в начале 11 строки такая засечка полностью отсутствует.

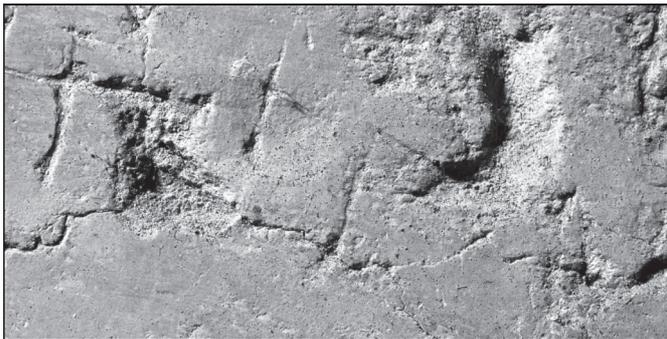
Невозможно для буквы *б* и продолжение её основной вертикали вниз — на бóльшую длину, нежели высота самой буквы.

Всё это говорит в пользу того, что 1 буква 11 строки — это не *б*, а *т*, левую половину верхнего горизонтального штриха которой уничтожил скол.

По смыслу утраченная буква в 10 строке легко восстанавливается как *е*, а весь отрезок с 5 буквы 9 строки по 4 букву 11-ой читается как *а оу|ле[т]е да [н](е) [л]е[т]ати*.

4 буква 11 строки (*и*), судя по всему, имела удлинённый вправо горизонтальный штрих⁴⁶, ниже которого по его краю прошёл скол (см. на фотографии ниже).

В середине 11 строки между *[т]ати* и *амнинъ* имеется несколько коротких штрихов, не образующих буквы. Скорее всего, это части пунктуационного знака:

Реконструкция надписи

Итак, на мой взгляд, надпись-граффито № 199 из новгородского собора святой Софии следует читать так:

**голоде железн[e] {к}|к[ам]ан[ei] пьрь|си меда(н)аа | голова лип(о)|ва [ч]елюсть зо[у]|(е)б[е] ахид[ьн]е
вороже | бесе сотона тат[ь]мы|тарь иудо безако|ньна а оу|ле[т]е да [н](е) [л]е[т]ати .. ам{н}инъ**

Синтаксис

Сложной лингвистической проблемой является смешение в надписи форм именительного и звательного падежей.

⁴⁴ См. Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1990–1996 гг.) М., 2000. Т. X. С. 154–155. Табл. 2.

⁴⁵ Всего в надписи имеется три буквы *б*, однако у *б* в 6 строке правый верхний угол уничтожен сколом.

⁴⁶ Как буква *и* в слове *ам{н}инъ* в той же строке и, возможно, в слове *к[ам]ан[ei]* во 2 строке.

Все слова в первой части надписи, вероятно, стоят в И. падеже, хотя теоретически форму существительных *голоде, пьрьси* (или **напьрьси*) и *зоубе* можно интерпретировать и как Зв.

Во второй же части мы имеем: 1) Зв. *вороже*; 2) Зв. или (менее вероятно) И. *бесе*; 3) И. *сотона*; 4) И. или (менее вероятно) Зв. *тате* (или *тате*) и *мытарь*⁴⁷; 5) Зв. *иудо*; 6) И. *безаконьна*⁴⁸.

Проблему соотношения в надписи И. и Зв. подробно рассмотрел А. А. Зализняк. «Для дальнейшего анализа капитальное значение имеет правило о двучленных или многочленных вокативных синтагмах, согласно которому для части членов такой синтагмы допускается замена вокатива номинативом, — отмечает исследователь. — Хорошо известен частный случай этого правила, касающийся синтагм из существительного и прилагательного, — правило о допустимости И. падежа прилагательного в вокативной синтагме (*цѣсарю иудѣискъ* и т. п.). Но общее правило распространяется и на синтагмы из двух или более существительных. Ср. такие примеры, как *Захария священниче* (Миняя 1095 г.⁴⁹: 190), *отвьврзи ми зѣнцици, сынъ Давыдовъ съпасе нашъ* (Саввина Триодъ до 1226 г.⁵⁰), *и ты и другии холопе Лоука Иванковичю* (Ипат.⁵¹ [1261]. Л. 284), *цѣрю свѣтъ мои* (Ипат. [1288]. Л. 302 об.).

В нашей надписи имеется несколько двучленных синтагм интересующего нас типа. Сюда с очевидностью относятся *Иудо безаконьна* и *голоде железньчь*⁵². Но, с нашей точки зрения, так же построены и синтагмы *бесе Сотона* (то есть здесь не перечисление *бесе, сотона*, а цельное наименование 'бес [по имени] Сатана') и *тате мытарь* (что-то вроде 'воровской обиратель'). При такой трактовке оказываются объяснимыми странные, на первый взгляд, особенности в выборе падежей», — заключает А. А. Зализняк⁵³.

Язык и датировка

С точки зрения фонетики надпись отражает древнерусское состояние, в ней почти нет следов падения редуцированных⁵⁴. Совсем нет и следов прояснения редуцированных. Имеются некоторые диалектные черты, однако налицо стремление автора писать на стандартном древнерусском литературном койне (особенно примечательно в этом отношении употребление редкого слова *ахи[дѣ]не* и аориста *оуле[т]е*).

⁴⁷ Ср. соображения А. А. Зализняка: «Словоформа *мытарь* — по канонической норме однозначный номинатив (а Зв. ед. здесь должен быть *мытарю*). Но велика вероятность того, что в древненовгородском диалекте такие словоформы могли подвергаться действию принципа «в мужском морфологическом роде Зв. ед. = И. ед.», актуального в этом диалекте для о-склонения, т. е. употребляться также и в вокативной функции. К сожалению, непосредственно проверить это предположение пока что не удается, поскольку, если оставить в стороне слова на *-цѣ* и *-зѣ*, ведущие себя особо (а также непоказательное слово *Господь* в *i*-склонении), примеры употребления слов *jo*-склонения, равно как *i*-склонения, в вокативной функции очень редки; в частности, в берестяных грамотах они не встретились вообще. Но некоторые примеры из книжных памятников (в основном северновеликорусских), по-видимому, указывают на именно такое их поведение в живой речи; ср., например, *врачь исцѣлилъ самъ* в новгородском евангелии 1270 г., *радуисъ царь цу(дѣ)искъ* в северновеликорусском евангелии 1357 г. (см.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. С. 191).

Еще более сложный случай составляет *тате* (может быть, переделанное в *тате*). Если это написание равно *тат<ѣ>*, то ситуация здесь такая же, как для *мытарь*. Если же здесь действительно окончание *-е*, то *тате*, вероятно, следует истолковывать как вокатив, построенный по модели другого склонения (поскольку в народном языке исконный вокатив *тати* был неупотребителен)» (Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии).

⁴⁸ См. соображения А. А. Зализняка: «Что же касается написания *безаконьна*, то крайне маловероятно, что представленное здесь неожиданное окончание И.ед. женского рода *-а* есть просто буквенная ошибка. По-видимому, оно отражает древнейший славянский синтаксис, когда при словах *a*-склонения, даже если они обозначают мужчин, прилагательное ставилось в женском, а не в мужском роде. Реликты такого синтаксического употребления в древнерусских памятниках встречаются; ср. *Старець любодѣ видимая сотона есть* («Мудрость Менаандра». XIV–XV вв. Слов. XI–XVII. 23: 65). Для слов *сотона, иуда* такой синтаксис, вероятно, мог поддерживаться и тем, что в народных устах слово превращалось из имени собственного в имя нарицательное и при этом приобретало более размытое значение некоего отрицательного начала, уже не столь тесно связанное с исходным образом лица мужского пола» (Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии).

⁴⁹ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. СПб., 1907.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. (Репринтные изд.: М., 1998; М., 2001).

⁵² Такое чтение конца 1 строки, предложенное А. А. Медынцевой, считает верным А. А. Зализняк.

⁵³ Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии.

⁵⁴ О причине отсутствия редуцированного в слове *железн[е]* (из <*жельзьне*>) в 1 строке см. выше.

Датировку надписи, к которой первоначально пришёл А. А. Зализняк (конец XII — 1-ая четверть XIII в.⁵⁵), следует несколько откорректировать. В выстроенную исследователем датирующую матрицу были включены два параметра (употребление буквы *ѣ* и упрощение консонантных групп), выделенных на основании неверных предположений о чтении фрагментов граффито. Оба эти параметра омолаживали датировку надписи.

На мой взгляд, правильнее отнести создание граффито ко второй половине XII века. К такой же датировке независимо от меня пришёл и сам А. А. Зализняк⁵⁶, хотя его прочтение текста надписи и отличается от моего⁵⁷.

Общий смысл

Текст надписи можно поделить на три части.

Смысл первой — перечисления, заканчивающегося словами *зо[у]{е}б[е] ахид[ьн]е*, — зависит от перевода первого слова текста — *голоде*⁵⁸.

А. А. Турилов высказал предположение, что это слово употреблено в надписи в значении, близком значению слова *жадность* ('жадность, невоздержанность')⁵⁹. С семантическим полем 'жадности' связаны также древнерусские слова *гладивѣи*, *гладование*, *гладовати* и *гладость*⁶⁰.

Этимологи связывают общеславянское **goldъ* с древнеиндийским *gardhah* 'жадность', 'алчность', 'страстное желание'⁶¹. Вероятно, аналогичные значения были присущи и общеславянской лексеме **goldъ*.

Словари древнерусского языка приводят лишь один текст, где слово *гладъ* встречается в значении 'жадность'⁶². В заключительном обращении к святым мученикам в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе» читаем: «Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо дальсть Богъ о насъ молящася и ходатая къ Богу за ны: тѣмъ же прибѣгаемъ къ вама и съ слъзами припадающе, молимъся, да не придетъ на ны нога гордыня и рука грѣшныча не погубить насъ, и всяка пагуба да не наидеть на ны. Гладъ и озлобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичныя брани чюжа сътворита, и всего грѣха и нападения⁶³ заступита насъ, уповающихъ къ вама»⁶⁴. В соответствующем месте редакции Торжественника находим следующий текст: «но ѿ блженнаа хва стрѣрпыца всегда ѿ насъ молита, да не придетъ на ны зло и всака пагуба да не наидеть на ны. гладъ же

⁵⁵ Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей. С. 246–247.

⁵⁶ Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии.

⁵⁷ В своей последней работе А. А. Зализняк предлагает следующее чтение:

голоде железньчъ -(-) | **камѣне** [же] **пърь**{си}|си **медѣ**[н]аа | **голова** **лип**[о]{в[а]}|ва [ч]елюсть [в]ъзо(...)|(-)еб-ахид[ь]не **ворож**[и] | **бесе** **сотона** **тат**[е] **м**[ы]|**тарь** **нюдо** **безако**нвна **а** **оу**л[е]те **да** (н)[а п]ле[ц]и(н) | **б**[ь]р[ати] [ве]р[а] **ам**(н)инь (Зализняк А. А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии).

При пересмотре чтения надписи А. А. Зализняк не дал новой прориси граффито. На мой взгляд, прорись, соответствующая его чтению конца 1 строки и 10–11 строк (*да (н)[а п]ле[ц]и(н) | б[ь]р[ати] [ве]р[а]*) текста, невозможна в принципе, так как прорись должна не только содержать интерпретацию исследователем наличных штрихов, но и не противоречить предложенной реконструкции утраченных штрихов надписи.

⁵⁸ Мнение А. А. Медынцева о том, что эта часть надписи содержит в себе загадку, отгадка которой — колокол, колокольня или храм (Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI–XIV века. С. 143.) (или собственно Софийский собор, как позже предположил А. Ю. Чернов), меня не устраивает, так как не учитывает предложенные мною чтения для начальной и конечной синтагм данной части текста: *голоде железне* и *зоубе ахидьне*.

⁵⁹ См. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I. Стб. 518; Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 4. С. 28; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 327.

⁶⁰ См. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I. Стб. 516–517; Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 4. С. 26–28; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. С. 325.

⁶¹ См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. I. С. 200 (*голод*). Подробнее см.: ЭССЯ. Вып. 6. С. 199–200 (**goldъ*).

⁶² Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 4. С. 26 (*гладъ*).

⁶³ В некоторых рукописях вместо *грѣха* и *нападения* читается *грѣхопадения* или *грѣха нападения* (Бугославський С. А. Пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). У Києві, 1928. С. 136.).

⁶⁴ Съказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глрба / Абрамович Д. И. // Памятники древне-русской литературы. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. Вып. 2. С. 50–51.

и ѡзлобленіе ѡженита и всего меча браньска избавита насъ. и оусобныѧ рати и напрасныѧ смѣрти и всѣхъ грѣхъ паденьѧ заступите насъ. оуповающихъ к вама»⁶⁵.

Между тем, даже при переводе синтагмы *голоде железне* как ‘жадность железная’, на первый взгляд, более естественном в нашем контексте, нежели ‘голод железный’, общий смысл первых строк граффито остаётся неясен. Их предварительный перевод пока можно представить в следующем виде: ‘Жадность железная, [две] каменные груди, медная голова, липовая челюсть, зубы ехиднины’.

Вторая часть надписи — *вороже бесѣ сотона тат[ъ мѣ]тарь иудо безаконьна* — представляет из себя ряд хулительных характеристик: ‘Враг, бес, сатана; вор [и] мытарь⁶⁶! Беззаконный Иуда!’ О синтаксисе этой части текста см. выше.

В третьей части надписи — *а оуле[т]е да [н](е) [л]е[т]ати* (‘А улетел⁶⁷, но не [для того, чтобы] летать’ или ‘А если улетел, то не [для того, чтобы] летать’) — возможно, идёт речь о повесившемся Иуде Искарите.

Текст завершается словом *ам{н}инъ*. Такая концовка встречается в русских заговорах.

Предложенные выше замечания о смысле надписи имеют частный и сугубо гипотетический характер. Текст требует специального филологического анализа, который выходит за рамки стоявших передо мной палеографических и лингвистических задач.

⁶⁵ Бугославский С. А. Пам’ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). С. 16–17. В одной из рукописей «Сказания о Борисе и Глебе» XVI века слово *гладъ* опущено: «но о блаженная Христова стратотерпца, всегда за ны молитася; да не приидеть на ны золь искусь и озлобленіе и заступита насъ отъ мѣча супротивныхъ и всобныѧ рати и отъ напрасныѧ смѣрти» (Там же. С. 17. Прим. 381–384). Ср. также: Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb = Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. P. 414-417.

⁶⁶ Слово *мытарь* имело пейоративное значение (Львов А. С. Очерки по лексике старославянской письменности. М., 1966. С. 176–182; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. V. С. 84.), поэтому его употребление в данном контексте вполне оправдано.

⁶⁷ Данное слово стоит либо во 2, либо в 3 лице.